

С. В. БЕРЕЗКИНА *

**«ПРОКЛЯТЫЙ ВОПРОС ОБ ОШИБКЕ В ПАПИНЫХ
БУМАГАХ...» (Г. М. ФРИДЛЕНДЕР В ЛАГЕРЕ
И НА ПОСЕЛЕНИИ, 1942–1945)**

Статья освещает сложный этап биографии академика Г. М. Фридендера периода Великой Отечественной войны на основе его переписки с матерью, находившейся в блокированном Ленинграде. Во время войны Г. М. Фридендер как немец по национальности был мобилизован для работы в трудовом лагере на территории Коми АССР. Его письма из лагеря — это ценный исторический документ о жизни рабочей колонны граждан немецкой национальности, раскрывающий ряд сложнейших проблем жизни СССР того времени.

Ключевые слова: биография академика Г. М. Фридендера, судьба граждан немецкой национальности в СССР периода Великой Отечественной войны, национальная политика СССР 1930–1940-х гг.

Ценнейшей частью архива академика Георгия Михайловича Фридендера (1915–1995), хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 929), являются бумаги военных лет. В 1941–1942 гг. он жил в Архангельске, а затем, с августа 1942 г., в поселке Жэшарт Усть-Вымского района Коми АССР — в лагере для немцев, мобилизованных в так называемую «трудовую армию», с начала 1944 г. на поселении. Эти бумаги включают разного рода документы, характеристики, записную книжку с телефонами и адресами военного времени, рукописи научных работ, которые писал ученый в столь сложных условиях, единственную дневниковую запись, чудом сохранившуюся среди вырезанных и уничтоженных страниц дневника, а главное, письма к Г. М. Фридендеру, шедшие к нему в Жэшарт со всех концов страны. По нашим подсчетам, сохранилось около пятисот писем из полученных им в Жешарте — и всю эту пачку будущий академик вывез с собой из ссылки! Около двухсот писем среди них представляли для Г. М. Фридендера исключительную ценность — это были письма

* Светлана Вениаминовна Березкина, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН — s.berezkina@mail.ru

Svetlana Veniaminovna Beryozkina, Doctor of Philology, Leading Researcher of the IRLI RAS.

матери из блокадного Ленинграда. А она, в свою очередь, сохранила его письма из лагеря (около ста), что в итоге дало исключительную по насыщенности ценными историко-биографическими материалами переписку между Жешартом и Ленинградом. О том, что Г.М. Фридендер как немец по документам прошел через «лесоповал», было известно из кратких упоминаний мемуаристов¹. Письма его из Жешарта имеют, однако, не только биографический интерес, проясняя то, о чем, как оказалось, неточно рассказывали мемуаристы; это еще и ценный исторический источник, повествующий о жизни одной из немецких рабочих колонн на территории Республики Коми.

Г.М. Фридендер происходил из высокообразованной и обеспеченной семьи². Отец Анжель (Анжелики) Морисовны Фридендер (1886–1956), урожд. Гессе, был уроженцем французского города Жуанвиль (департамент Верхняя Марна) и приехал в Петербург в 1860-х гг.; до конца жизни он оставался гражданином Франции. Морис Гессе (ум. 1905) — купец 2-й гильдии, владелец известного в Петербурге «Лионского магазина», один из поставщиков императорского двора (французские ковры, обойные материалы), вице-президент французской колонии, известный благотворитель, кавалер ордена Почетного легиона. В начале XX в. «Лионский магазин» находился на углу Невского проспекта и Большой Конюшенной улицы; в том же доме, на втором этаже, была и квартира Гессе, которую помнил Г.М. Фридендер. Дочь Мориса Гессе, мать будущего академика, приняла русское подданство после замужества.

Анжель Морисовна закончила в 1904 г. петербургскую женскую гимназию Л.С. Таганцевой и затем три года (из положенных четырех) училась на юридическом факультете Высших историко-литературных и юридических женских курсов (обучение было прервано замужеством в 1910 г.); в анкетах ее образование характеризовалось как высшее незаконченное. А.М. Фридендер работала с 1919 г., главным образом машинисткой, но больше всего дорожила своей службой в Библиотеке Академии наук СССР, где работала в 1934–1948 гг., с 1936 г. библиотечарем (с использованием ею трех иностранных языков). Горячая

¹ Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 532; Дьяконова Н. Я. Мои воспоминания // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 437–438; Лотман Л. М. Г.М. Фридендер в моей памяти сквозь долгие годы общения и сотрудничества // Там же. С. 449–450.

² Сведения о семье Фридендеров почерпнуты из документов ф. 929 Рукописного отдела ИРЛИ. В статье использованы также следующие дела БАН и ИРЛИ: СПБФ АРАН. 158.7. № 1165 (личное дело А.М. Фридендер, 1934–1948); 4.4. № 4200 (личное дело Г.М. Фридендера, 1932–1934); 150.4. № 27 (его же, дело о защите кандидатской диссертации, 1946–1947); 150.2. № 379 (его же, личное дело, 1955–1995; по документам этого дела составлена биографическая справка о нем в изд.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 537). В настоящей статье использованы также автобиографические записки Г.М. Фридендера, рассказывающие о судьбе членов его семьи (готовится к публикации).

любовь, глубочайшая нежность и постоянная (иногда просто паническая) тревога за жизнь матери наложили неизгладимый отпечаток на письма Г. М. Фридендера к ней военных лет, поскольку все это время она оставалась в блокадном Ленинграде. Беспокойство за ее здоровье, а также военная цензура, конечно же, не позволяли Г. М. Фридендеру писать всю правду о жизни в Жешарте, однако она прорывалась в тех сообщениях, которые он отправлял своей матери иногда до семи раз в месяц.

Важным лейтмотивом этих писем является тема национальности. Дело в том, что Г. М. Фридендер, переживший годы военного лихолетья как «немец» (имя, обозначенное в его свидетельстве о рождении, а затем в паспорте: Георгий-Гастон-Эдгар), таковым на самом деле не был. Многолетний сотрудник Эрмитажа, известный египтолог И. М. Дьяконов (1915–1999), друживший с ним с университетских лет, вспоминал: «Отец и мать Юры были разного, но оба — сложного международного происхождения; но так как в документах царского времени записывали не национальность, а вероисповедание, то оба значились “лютеранами”, а при первой выдаче паспортов (в 1932 г.) их записали “немцами”»³. Здесь обозначена лишь общая тенденция, которая, конечно же, в 1932 г. была конкретизирована инструкциями НКВД. Михаил-Александр Вильгельмович Фридендер (1879–1942), отец Георгия Михайловича, родился в Петербурге; в годы Гражданской войны его имя в документах обозначалось уже как Михаил Васильевич. По сообщению в автобиографии начала 1930-х гг., дед со стороны отца был журналистом; в действительности же Вильгельм (Вольф, Василий) Андреевич Фридендер (род. 1849) был банковским служащим и одновременно сотрудником газеты *St. Petersburgische Zeitung*, издававшейся на немецком языке в Петербурге, где вел биржевой отдел. Он закончил в 1867 г. Варшавское специальное уездное училище и в 1870-х гг. переехал в Петербург.

М. В. Фридендер учился в гимназии Главного немецкого училища св. Петра (эту же школу — «Петришуле» — закончили и оба его сына), а затем в Технологическом институте, после окончания которого в 1904 г. перешел в русское подданство. Дореволюционная карьера инженера-энергетика М. В. Фридендера, служившего в Русском акционерном обществе «Сименс-Шуккерт», была блестящей: в киевском отделении общества он развил кипучую деятельность по модернизации сахарных заводов на юге России, а в 1915 г., после перестройки общества в связи с начавшейся войной (от его управления были отстранены германские подданные), был переведен в Петербург и стал помощником управляющего заводом военных и морских приборов РАО «Сименс-Шуккерт» (ныне завод «Электроприбор»). Одним из двух директоров завода был Л. Б. Красин, известный деятель революционного

³ Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. С. 385.

движения и Советской России, о котором М. В. Фридендер упоминал в своих автобиографиях (по воспоминаниям Георгия Михайловича, именно Красин вызволял его отца из тюрьмы после нескольких арестов, которым он подвергался в 1918–1922 гг.). В послереволюционное время его инженерная карьера постепенно шла на спад: постоянная смена мест работы (иногда по два-три раза в год), причем некоторые увольнения с нелицеприятными формулировками, такими как «нарушение правил внутреннего распорядка», «конфликт» и даже «болезненное нервное состояние». Болезнь М. В. Фридендера обнаружилась в 1928 г.: он был болен прогрессивным параличом и лечился у известного в то время психиатра М. М. Мирской. В письме от 3 февраля 1942 г., связанном со смертью отца в Ленинграде (он умер от истощения 2 января 1942 г.), Г. М. Фридендер с горьким сожалением писал о «том печальном, чисто растительном состоянии, без памяти, со слабыми и редкими блестящими рассудка, в котором он провел, как во сне, последние 10 лет» (в другом письме: «последние 10–12 лет»)⁴. Сожаления усугублялись воспоминанием о мучениях матери, поскольку «подействовать морально» на него, как и «заставить его с чем бы то ни было считаться» в семье, было невозможно. Итога в письме от 15 февраля 1942 г. свои воспоминания, Г. М. Фридендер писал, что в их семейной жизни «было немало тяжелого и мучительно грустного»⁵.

Как это нередко бывает при прогрессивном параличе, позволяющем какое-то время сохранять профессиональные навыки, М. В. Фридендер и после выхода на пенсию в 1930 г., вплоть до 1935 г., продолжал деятельность вузовского преподавателя (в институтах Политехническом, затем Текстильном, наконец, Автодорожном), причем начал он преподавать еще в молодости, до переезда на службу в Киев. М. В. Фридендер — автор около десятка научных работ, последняя из которых была написана в середине 1930-х гг. По стопам отца пошел старший сын Генрих-Андрей-Виктор Михайлович Фридендер (1911–1938), первоначально называвшийся в семье Генри, затем, однако, ставший, в том числе по документам, Андреем. Закончив ту же самую немецкую школу, он прошел годичное обучение в ФЗУ при мебельной фабрике (без рабочего стажа не было хода в вуз), после чего поступил на вечернее

⁴ Фонд 929 находится в обработке, поэтому письма и документы Г. М. Фридендера, хранящиеся в нем, цитируются без указания шифра, за исключением цитации тех писем 1942–1945 гг. к матери из Жешарта, которые вошли в осуществленную нами выборочную публикацию: «Трудармеец Фридендер, Г. М.» (письма из Коми АССР, 1942–1945 гг.) / Вступ. статья С. В. Березкиной; подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной и А. С. Лагурева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 443–505.

⁵ В воспоминаниях Н. Я. Дьяконовой «нервность» Юры Фридендера возводится к «тяжелой наследственности», хотя правильнее говорить об особых обстоятельствах жизни, в течение длительного времени, рядом с психически больным отцом (прогрессивный паралич является следствием заражения сифилисом).

отделение радиофакультета Ленинградского электротехнического института; окончил его в 1936 г. и был зачислен в штат в качестве ассистента, с перспективой поступления в аспирантуру; еще до окончания института он начал преподавать и в других учебных заведениях.

С 1932 г. А. М. Фридлиндер работал на ленинградском заводе «Светлана», был автором ряда внедренных на производстве изобретений и к 1937 г. дослужился до заместителя начальника Опытной мастерской. Роковую роль в его судьбе сыграло то, что он работал в оборонной промышленности над «спецразработками». 25 июля 1937 г. вышел приказ НКВД о выявлении в оборонной промышленности и на транспорте немецких шпионов и диверсантов из числа германских подданных (а также бывших, принявших советское гражданство). В сентябре 1937 г. от Андрея Михайловича потребовали написать заявление об уходе со «Светланы» по собственному желанию, после чего его уже нигде не брали на работу. Он знал, что причиной было «немецкое происхождение» (в архиве брата сохранилась его записка об этом от 10 ноября 1937 г.). А. М. Фридлиндер был арестован 29 декабря 1937 г., в день рождения матери, и расстрелян через месяц как «немецкий шпион». Семья о гибели Андрея, естественно, не знала и продолжала надеяться на его возвращение. Упоминания об этом звучат шепчущей нотой в переписке Г. М. Фридлиндера с матерью в годы войны⁶.

В письме от 29 июля 1944 г. Г. М. Фридлиндер назвал национальность «немец» «проклятой <...> ошибкой в папиных бумагах»,⁷ т. е. документах. Согласно инструкции, при выдаче паспортов в 1933 г. «этническая принадлежность опрашиваемого или владельца паспорта устанавливалась с его слов, но этим правом было наделено только старшее поколение. Дети наследовали эту запись уже как врожденную характеристику и вынуждены были определять свою национальность либо по отцу, либо по матери»⁸. В семье Фридлиндеров немцами были записаны отец и оба сына, француженкой — мать. Метрики сыновей из семейного архива содержат свидетельства об их рождении со ссылкой на киевскую евангелическо-лютеранскую консисторию (в ее ведении находилась и реформатская церковь); венчались родители в петербургской реформатской церкви на Большой Морской улице. В документах отца указывалось, что он был «немецкого реформатского вероисповедания»; мать была лютеранкой. Семья, кстати, была традиционного уклада, о чем говорят не только многочисленные (до середины 1920-х гг.) детские поздравления родителей с христианскими праздниками, но и ответные упоминания Г. М. Фридлиндера о них в его письмах к матери военных лет (в одном из них, от 2 мая 1944 г.,

⁶ В одной из автобиографий Г. М. Фридлиндер упомянул о своем брате, реабилитированном в 1958 г. (СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. № 379. Л. 44 об.).

⁷ «Трудармеец Фридлиндер, Г. М.». С. 500.

⁸ Байбури А. К. К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: Сб. ст. к 70-летию В. А. Тишкова. М., 2011. С. 540.

он извиняется перед ней за то, что не вспомнил о Пасхе, проведя этот день в поезде; показательно, что речь здесь идет о дате по русскому (нового стиля) календарю)⁹. В автобиографических записках Г. М. Фридендер вспоминал о рождественских службах в лютеранской Екатерининской церкви на Васильевском острове, куда водил его в детстве отец.

Переживание вопиющей, губительной неправды, связанной со своим якобы немецким происхождением, постепенно перерастало в стремление избавиться от этой «национальности», которая, как утверждал Г. М. Фридендер в письме от 30 ноября 1943 г., испортила ему «немало крови за последние три года»¹⁰. Начало войны застало его в Архангельске, где с 1940 г. Г. М. Фридендер служил в педагогическом институте в должности и. о. доцента¹¹. 24 июня 1941 г. он отправил матери письмо с распоряжениями, касающимися его документов и рукописей, ввиду своей близкой мобилизации. Однако действительность оказалась более сложной, поскольку призыв граждан немецкой национальности в РККА был остановлен сразу же после начала войны. «В армию меня пока не берут», — читаем в письме от 10 июля 1941 г. Г. М. Фридендер записался в народное ополчение и с осени три раза в неделю посещал учебные занятия при военкомате. Затем он вновь «проходил призыв», но был «оставлен до особого распоряжения» (16 ноября 1941 г.). Положение изменилось в феврале 1942 г.: «Это письмо пишет Тебе <...> библиотекарь штаба 128-го строительного батальона... <...> Сначала я, вместе со всеми, был направлен в лагерь, где все мои товарищи в настоящий момент, вероятно, уже работают лопатой или топором. Но уже на второй день (это был день моего рождения — 9-го февраля, и он не мог не быть для меня счастливым!) я, благодаря своему образованию и научной деятельности, которая вызывает здесь священный трепет, был вызван в распоряжение штаба. <...> Обязанности мои: библиотека, лекции для бойцов и комсостава, организация выставок, проведение политзанятий в хозяйственном взводе, куда я вхожу» (11 февраля 1942 г.). Это писалось матери в утешение, в письме же от 31 марта 1942 г. к М. А. Лифшицу, служившему в Главполитуправлении ВМФ, Г. М. Фридендер высказался с предельной резкостью: «...я никак не думал, что окажусь в таких нелепых, тыловых условиях»¹².

⁹ «Трудармеец Фридендер, Г. М.». С. 490.

¹⁰ Там же. С. 479.

¹¹ См.: Макаров Н. А. Выдающийся литературовед Г. М. Фридендер // Вестник Поморского университета. Гуманит. и соц. науки. 2006. № 1 (9). С. 113–115.

¹² Письма Г. М. Фридендера к философу-марксисту М. А. Лифшицу сохранились в Архиве РАН (ф. 2029), и их цитация в настоящей статье стала возможна благодаря коллективу «Архив Мих. Лифшица» — научному содружеству под руководством В. Г. Арсланова, выпустившему более десятка книг по материалам этого архива. Поскольку фонд 2029 находится в разработке, письма Фридендера к Лифшицу цитируются без архивного шифра.

Строительный батальон находился в ближайшем пригороде Архангельска Бакарице, где в то время шло строительство порта, способного принять по ленд-лизу большие океанские суда. 24 февраля 1942 г. Г. М. Фридендер принес присягу и тут же отправил матери удостоверение о том, что служит в РККА (сохранилось в архиве). Через два месяца он сообщил ей о переводе части строительного батальона в действующую армию (при этом умолчал, что остававшиеся в Бакарице военнослужащие представляли национальности, которые не подлежали призыву): «При ликвидации колонны мы заново прошли через комиссию, причем меня по ст. 11 (общее слабое физическое развитие) признали негодным к несению строевой службы <...> Начальник политотдела архангельского окружного управления Военстроа сказал мне, что в ближайшем будущем он возьмет меня к себе, в округ, на лекторскую работу». Это вдохнуло в него новую надежду, и он принялся «штурмовать начальство рапортами и заявлениями», о чем сообщил М. А. Лифшицу в письме от 31 марта 1942 г. (перевод в действующую армию назывался в них наиболее желательным), причем в одном из своих рапортов Фридендер «довольно обстоятельно попытался разъяснить как национальные моменты, так и вопрос об Андрюше».

Весной-летом Г. М. Фридендер развил бурную деятельность, пытаясь получить назначение то «в качестве штатного лектора при политотделе <...> Главвоенстроа», то по «заявке из политуправления <Карельского> фронта» — «редактором одной из своих газет» (точнее: «в редакцию, где работает Гарик (Дьяконов)») ¹³, то на «прежнюю службу в пединститут» — на ту же кафедру или же другую, для преподавания политэкономии (письма от 1 мая — 17 июля 1942 г.). Все его планы, однако, рухнули «из-за дикого и нелепого упорства» непосредственного начальника и — «различных привходящих причин» (20 июля 1942 г.). И. М. Дьяконов, дважды отправлявший вызов для него в Архангельский военный округ, довольно скоро, однако, осознал, что Г. М. Фридендер не будет принят на службу в политотдел фронта, поскольку он, во-первых, не был «даже кандидатом» в члены ВКП(б), а во-вторых, согласно анкете, имел брата, осужденного по 58-й статье (письма от 13 марта и 12 июля 1942 г.).

К началу 1942 г. численность граждан немецкой национальности в Архангельске, как и повсеместно, была известна НКВД до последнего человека ¹⁴; чтобы кого-либо из советских немцев оставить, например, в действующей армии, нужно было разрешение, ни много ни мало, командующего фронтом. Всех граждан немецкой национальности

¹³ Имеется в виду издававшаяся на немецком языке газета *Der Frontsoldat*. См.: Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. С. 533–572 и след.; Ганелин Р. А. В штабе Карельского фронта (по воспоминаниям И. М. Дьяконова и Е. Г. Эткинды) // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2012. № 5 (126). С. 7–11.

¹⁴ См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. Н. Ф. Бугая. 2-е изд. М., 2000. С. 61.

ожидала одна участь — мобилизация на трудовой фронт. Собственно, строительный батальон в Бакарице — это уже «трудовая армия»: именно так («мобилизован в Архангельске на трудовой фронт») писал Г. М. Фридлендер в анкете 1946 г. о своей работе в архангельском Военно-строительном управлении. В конце июля Г. М. Фридлендер был отправлен в Коми АССР, прошел через пересыльно-перевалочную базу в Котласе, где сформированные рабочие колонны были переданы военкоматами в ведение НКВД, и 4 августа 1942 г. прибыл в поселок Жешарт. Здесь находился отдельный лагерный пункт (ОЛП) Севжелдорлага — исправительно-трудового лагеря, обслуживавшего Северо-Печорскую железную дорогу¹⁵. Жешартская колонна занималась лесозаготовками (в частности, шпал и дров для паровозов) и строительством завода авиационной фанеры¹⁶.

Статус мобилизованных на трудовой фронт, числившихся вольнонаемными, был выше, чем у заключенных и спецпереселенцев¹⁷. «Трудовая армия» (по аналогии с Красной армией!), «трудоармейцы» — все это неофициальные названия, а возможно, и самоназвания мобилизованных граждан, старавшихся с их помощью провести между собой и зеками четкую грань. Трудмобилизованные граждане должны были явиться при отправке их военкоматами на место работы в исправной одежде и обуви, с запасом белья, постельных принадлежностей, продовольствия и пр. Дальнейшее их обустройство, снабжение и вещевое довольствие возлагалась на НКВД. Режим проживания в Жешарте «трудоармейцев» был, если судить по письмам Г. М. Фридлендера к матери, не самым жестким. Так, известно, что военнизированная охрана была не на всех пунктах работы трудмобилизованных немцев¹⁸, — это как будто прослеживается и по письмам Фридлендера. Условия же существования жешартских «трудоармейцев» — в казармах за колючей проволокой, с вышками по краям зоны (Г. М. Фридлендер вспоминал об этом в своих позднейших записках) — были очень тяжелыми. В сообщениях матери о своем быте он был осторожен, во-первых, из-за опасений за ее здоровье, а во-вторых, из-за военной цензуры. В них нет тех

¹⁵ Об отряде трудмобилизованных немцев в Севжелдорлаге см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960 / Сост. М. Б. Смирнов. М., 1998. С. 381.

¹⁶ *Морозов Н. А.* Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10. Ч. 1. С. 67–69.

¹⁷ О «трудовой армии» см.: *Гончаров Г. А.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: вопросы историографии, теории и практики // Вестник №2 / Челяб. ин-т экономики и права. Челябинск, 2002. С. 67–95; *Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. Р.* История немцев в России: Хрестоматия. М., 2005. С. 243–312 (гл. «Советские немцы в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие (1941–1955)»).

¹⁸ См.: *Гончаров Г. А.* Рабочие колонны на Урале в годы Великой Отечественной войны: Формирование и размещение // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2006. №9 (59). С. 141–142.

страшных подробностей о жизни рабочей колонны в Жешарте, которые известны по двум отчетам, составленным в 1944 г. в ходе инспекции НКВД: «Жилищно-бытовые условия для мобилизованных администрацией биржи <т.е. лесобиржи> были созданы крайне неудовлетворительные. Мобилизованные были размещены в плохо оборудованных, грязных бараках. Одеждой, обувью мобилизованные обеспечивались исключительно плохо, рабочие получали горячую пищу два раза в сутки, причем почти один жидкий суп из капустных листьев, жиров и овощей почти не получали. <...> смертность среди мобилизованных крайне высока <...> около ста человек ввиду резкого истощения (дистрофия 1 и 2 степени) превратились в инвалидов, которых лесобиза активировала, снабжая хлебом по 300 грамм в сутки как неработающих»¹⁹.

В послевоенном письме к М. А. Лифшицу, вспомнив о Жешарте, Г. М. Фридендер обронил: «Как там ни было страшно...» (5 апреля 1949 г.). О казарменном быте он матери не писал; лишь в 1944 г., перейдя на частную квартиру, упомянул, что в бывшей его казарме (Лифшицу он охарактеризовал ее как «клоповник») проживало двенадцать человек. Схема питания, описанная в одном из его жешартских писем, не во всем совпадает с представленной в отчете 1944 г. (возможно, она была им приукрашена): «горячую (жидкую) пищу» в 1942 г. давали трижды в день (судя по всему, это была баланда), а кашу — только два-три раза в неделю. Тем не менее, Г. М. Фридендер постоянно повторял в письмах, что питается «сносно». Почему? Анжель Морисовна пережила первую блокадную зиму, потеряв мужа, а затем и домработницу, друга всей семьи (в письмах осталось лишь ее имя: Мария Георгиевна), долго и тяжело болела на протяжении 1942–1943 гг. (из них восемь месяцев провела в больнице). Г. М. Фридендер знал правду о жизни блокадного города, поскольку еще в Архангельске общался со многими эвакуированными ленинградцами, находил он их и на территории Коми. Поэтому, сообщая матери 12 ноября 1942 г. о том, что ему «иногда <...> приходится подтянуть свой ремень потуже», подчеркивал: «...я не из тех людей, которые придают большое значение подобным временным лишениям; по сравнению с ленинградской прошлой зимой мы существуем и питаемся роскошно — до жгучего стыда! Об этом я не забываю»²⁰. В жешартских условиях Г. М. Фридендер не видел того, что можно было бы сравнить с ужасом первой блокадной зимы. И. М. Дьяконов написал Г. М. Фридендеру 14 августа 1942 г. в Жешарт: «...все это — лучше, чем Ленинград».

Питание «трудмобилизованных» производилось за их счет, посредством вычетов из зарплаты, по нормам, соответствовавшим лагерным. «Трудармеец» Г. М. Фридендер, относившийся к вспомогательному контингенту (работа в конторе), получал 600 г хлеба (ср. в письме

¹⁹ Морозов Н. А. Мобилизованные группы... С. 69.

²⁰ «Трудармеец Фридендер, Г. М.». С. 464.

от 11 февраля 1942 г., о хорошем солдатском питании в Бакарице: «Кормят нас 3 раза в день, паек — 800 гр. хлеба в день, 3 раза густая мясная или рыбная похлебка — лапша и крупа или крупа и капуста, сахар на неделю»). В целом, как и повсеместно на всей территории СССР, трудмобилизованных в Жешарте кормили с вопиющим нарушением норм (прежде всего за счет удержания мяса, жиров, овощей); как писал Г. М. Фридендер 12 ноября 1942 г., их рацион сводился к «муке, крупе, рыбе».²¹ Что касается вещевого довольствия (за него также делались вычеты из зарплаты), то упоминания о нем в письмах встречаются крайне редко, главным образом в 1944 г. Г. М. Фридендера спасло то, что он был призван в «трудовую армию» из Архангельска и явился на призывной пункт с теплой одеждой. Е. А. и П. Л. Старéцы, эвакуированные из Ленинграда в декабре 1941 г. и, как соседи по дому, приютившиеся у Г. М. Фридендера в Архангельске, переслали ему в Жешарт в посылках остававшуюся одежду и белье. Тем не менее уже с конца 1942 г. он называл себя в письмах (3 декабря 1942 г., 15 января 1944 г.) «настоящим оборванцем»²².

В письме от 4 мая 1943 г. Г. М. Фридендер указывает свою зарплату (600 руб.) и сумму вычетов из нее, называя их своими «тратами» (250–300 руб.). Сообщение о том, что у него нет «возможности и случая тратить» остальное, дополняется более конкретным сообщением в письме от 22 мая 1943 г. о намерении послать матери перевод: «Разве я не писал Тебе, что эти деньги мне *абсолютно* не нужны? Они все равно лежат без движения на моем текущем счету, так как все мои личные расходы сводятся к почтовым и еще — уплате членских взносов в комсомол; за питание и обмундирование высчитывают из моей зарплаты, а прикупать мне не приходится». Действительно, зарплата в это время «трудоармейцам» не выдавалась. Существовала возможность перевода денег родным, но она была обставлена множеством препон: требовалось добиться не только разрешения начальства, но еще и выполнения его со стороны бухгалтерии (см. письмо от 30 сентября 1943 г.)²³. Бухгалтерия ссылалась на отсутствие денег, и Г. М. Фридендер недаром назвал весь этот процесс волокитей.

В феврале 1944 г. часть трудмобилизованных немцев в Жешарте была переведена в разряд спецпоселенцев. Г. М. Фридендер переходит на частную квартиру, отказывается (в обмен на карточки) от питания в столовой и начинает получать зарплату. Это совпало с переменой в жизни всех ленинградцев — полным снятием блокады. «Тебе стало жить легче — во мне зашевелился эгоизм...» — написал Г. М. Фридендер 5 марта 1944 г.²⁴ Анжель Морисовна сразу же получила от него

²¹ Там же.

²² Там же. С. 465, 482.

²³ Там же. С. 471, 476.

²⁴ Там же. С. 486.

множество просьб о посылках (для посылки весом 8 кг требовалось разрешение, и она сумела получить его) и, главное, деньгах: оказалось, что ему для проживания в Жешарте нужны, в добавление к зарплате (в тот момент это уже 700 руб.), еще и 1000 руб. ежемесячно. Этим просьбам предшествовало письмо М. А. Лифшица, который хорошо знал жизнь А. М. Фридлендер (он бывал у нее с 1943 г., приезжая в Ленинград, а летом-осенью 1944 г. останавливался у нее, обустроиваясь для продолжительной работы в Военно-морской академии): «Если все-таки материальные недостатки серьезны в смысле осязаемого ущерба для здоровья (“питания не та” — увы! — повсюду), то, по-моему, нужно, не стесняясь, попросить маму продать что-нибудь из вещей и выручить определенную круглую сумму <...>. Материальный ущерб Вы легко сумеете возместить по окончании всей этой глупой истории <имеется в виду пребывание в качестве “немца” в “трудовой армии”>, а пример многих ленинградцев — в том числе нашего друга Воли, оставившего после себя большое наследство соседям и управхозам, — учит тому, что здоровье сохранять следует с большим тщанием, чем традиционный уют». В кругу Г. М. Фридлендера живо обсуждались обстоятельства смерти от истощения в январе 1942 г. «друга Воли» — В. А. Римского-Корсакова (внука композитора), по словам И. М. Дьяконова в письме от 1 апреля 1942 г., «чистого, благородного, милого и наивного человека»: «...в этом виновата его мать, т<ак> к<ак>. она пожалела продать какие-то вещи». Это мнение разделяла и А. М. Фридлендер, сообщившая в 1942 г. сыну, что Ю. Л. Вейсберг-Римская-Корсакова (1878–1942) не смогла пережить смерть Воли.

А. М. Фридлендер с готовностью откликнулась на просьбы сына, лишь в 1944 г. решившегося просить ее о денежной помощи, тем более что и ранее поддерживала себя продажей имущества. За годы войны ею была продана мебель из спальни и столовой (по сообщению в одном из писем: «Сейчас я проедаю свою спальню»), фарфоровая и хрустальная посуда, драгоценности. Выживание на жешартской лесобазе «трудоармейца» Фридлендера было, в первую очередь, связано с позволявшим ему беречь физические силы положением конторского служащего — экономиста-плановика. При этом до февраля 1944 г. он жил в казарме в тех же условиях, что и все «трудоармейцы», и питался в той же столовой, не получая помощи из Ленинграда. Те описания обедов и ужинов, которыми наполнены его письма к матери 1944 г., свидетельствуют, конечно же, о самочувствии изголодавшегося человека.

Работа на жешартской лесобазе имела сезонные колебания, поскольку была связана со сплавом леса на Вычегде. Летом, когда началась самая интенсивная работа, конторских служащих привлекали к выкатке и погрузке леса, о чем Фридлендер неоднократно упоминал в своих письмах (например, 11 июля 1944 г.: «...это бывает сейчас везде, если работа этого требует»). «Честно зарабатываю свой кусок хлеба», — так написал он о себе матери в письме от 20 февраля 1943 г.

Нередки в его письмах и упоминания о том, что «трудармейцы» работают «здорово» (20 сентября 1942 г.)²⁵. По утверждению Н. А. Морозова, «архивные документы лагерей, дислоцированных в Коми АССР, полны сообщений о трудовой доблести и героизме трудармейцев-немцев»²⁶. Письма Г. М. Фридлендера из Жешарта проникнуты сознанием, что он разделяет невзгоды военного времени вместе со всем народом и что его труд имеет отношение к подготовке победы над Германией. Эта убежденность укрепляла в нем внутренний стержень, не позволявший стереть «в пыль» его личность. Самые большие страдания, о которых он пишет матери, причиняло ему отсутствие книг, газет, радио, общая научно-культурная изоляция. Потребность интеллектуальной деятельности была у Г. М. Фридлендера настолько сильной, что она и в Жешарте не прекращалась, выливаясь в письма к друзьям и разного рода научные начинания, предлагавшиеся ему близкими людьми.

В одном из писем 1944 г., после вечера, проведенного в доме Анжель Морисовны, М. А. Лифшиц так охарактеризовал письма самого Г. М. Фридлендера к ней: «...они явно распадаются на два типа: 1) письма, рассчитанные на то, чтобы успокоить близких людей; 2) письма, напоминающие о себе и своем горе (последних меньше)». С самого начала, еще с архангельского строительного батальона, близкие Г. М. Фридлендеру люди (в первую очередь М. А. Лифшиц) приняли огромное участие в том, чтобы выволить его из «трудовой армии». Различные пути прокладывались ими в поиске законных механизмов, протекций и ходатайств на протяжении 1942–1945 гг. Самым простым казался путь, связанный с устранением ошибки в установлении национальности (немцы были мобилизованы в «трудовую армию» до окончания военных действий, война же затягивалась). По этому пути пытались еще в 1937–1938 гг. идти многие из тех, кто оказался под ударом репрессий и ограничений со стороны государства. Циркуляр НКВД от 2 апреля 1938 г. разъяснял порядок действий по этим жалобам, указывая, в частности, что в случае, если у гражданина родители были «немцами, поляками и т. д.», он же требует зарегистрировать себя «русским, белорусом и т. д.», то «графа о национальности не заполняется до предоставления заявителями документальных доказательств»²⁷. Новый поток жалоб пошел в государственные органы из «трудовой армии», что вызвало появление ряда инструкций НКВД. Директива от 28 марта 1942 г. требовала «делать запросы в органы НКВД и военкоматы по месту мобилизации заявителя, а при необходимости <...> по месту рождения или проживания»²⁸.

²⁵ Там же. С. 499, 469, 461.

²⁶ Морозов Н. А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 годы). Сыктывкар, 1998. С. 103.

²⁷ См. об этом: Байбурин А. К. К антропологии документа... С. 541.

²⁸ «Мобилизовать немцев...». С. 135.

В июне 1943 г. Г. М. Фридендер обратился с заявлением в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), переданным затем в Главную военную прокуратуру РККА, в котором утверждал, что его родители являются евреями и что он ошибочно, как «немец», лишен возможности защищать Родину на фронте. К заявлению Г. М. Фридендера прилагалось и ходатайство М. А. Лифшица о переводе его из «трудовой армии» на «литературную работу», т. е. в одну из фронтовых газет. 27 августа 1943 г. в больницу им. В. И. Ленина пришла инспектор милиции Виноградова для снятия показаний от лечившейся там Анжель Морисовны, которая заявила, что муж и она по национальности — немец и француженка. Почему это произошло? А. М. Фридендер была против этой инициативы сына, поскольку боялась, что он окажется в действующей армии, т. е. на фронте... О своем отрицательном отношении к перемене национальности она написала Георгию Михайловичу 4 августа 1943 г.: «Что касается твоего намерения приблизиться ко мне, то абсолютно его не одобряю. От добра — добра не ищут. Ты, слава Богу, здоров, удовлетворен работой, питанием. Заслужил хорошее отношение со стороны начальства, находишься в окружении хороших товарищей. Поэтому не вижу никакого смысла в твоём намерении и ему не сочувствую. Надо ждать окончания войны, когда наша родина очистится от врага, как бы тяжела эта разлука ни была» (еще раз о позиции матери Г. М. Фридендер прочитал в письме М. А. Лифшица осенью 1944 г.).

В конце 1943 г. А. М. Фридендер все-таки начала выполнять просьбы сына, сделав вид, что старается исправить свои показания инспектору милиции Виноградовой (при этом ни в одном своем письме она не извинилась перед ним за сказанное ею тогда, поскольку это было сделано ею сознательно, по убеждению). Были проведены в семейном архиве и поиски тех документов, которые могли подтвердить указанные Г. М. Фридендером факты. Однако их почему-то в тот момент не нашли (они были «найжены» Анжель Морисовной позднее, в самом конце войны), да и изменения в уже сделанные показания внести не удалось... Трудно сказать, как могли развиваться события, если бы Анжель Морисовна с самого начала засвидетельствовала иные данные о себе и муже. Получил бы Г. М. Фридендер нужную отметку в паспорте и демобилизацию из «трудовой армии» уже в конце 1943 г.? Судя по тому, сколько усилий и времени ушло на вторую попытку такого рода, закончившуюся уже после войны, — успех был маловероятен.

Вопрос о национальности Г. М. Фридендер считал «исторической трухой», ускользнувшей от внимания родителей в момент получения ими первых советских паспортов, но сыгравшей трагическую роль в истории семьи. Летом 1944 г. Г. М. Фридендер решил предпринять новую попытку. На этот раз он предварительно испросил у Анжель Морисовны согласие на этот шаг, а затем, в письме от 8 июня 1944 г., дал ей подробные инструкции, поскольку теперь заявление могло исходить

только от нее. В результате он был демобилизован из «трудовой армии» 1 ноября 1945 г. (демобилизация «трудармейцев» началась во второй половине 1945 г., осуществлялась не без сложностей и растянулась в конечном итоге на десятилетие). Для того чтобы это, наконец, произошло, были предприняты огромные усилия со стороны, главным образом, М. А. Лифшица и А. М. Фридлиндера (ее инициативность возрастала по мере приближения конца войны). На страницах их писем, а также И. М. Дьяконова, О. И. Ильинской, Т. Н. Лурье и других, упоминается в 1943–1945 гг. множество учреждений и имен, которые были задействованы в поисках разного рода путей: председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин, первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник, писатель И. Г. Эренбург (вместе с Е. Ф. Усиевич и В. С. Кеменовым²⁹ они хлопотали перед Шверником), директор ЛГУ А. А. Вознесенский, академики Л. А. Орбели, И. А. Орбели, А. А. Байков, С. И. Вавилов, И. П. Бардин, И. В. Гребенщиков и др. Дело оживилось после возвращения из эвакуации Института русской литературы; здесь самое деятельное участие в организации вызова Г. М. Фридлиндера для работы в трудах института приняли П. Н. Берков, Б. М. Эйхенбаум, Л. А. Плоткин. Вызовы из ИРЛИ и ЛГУ (в университет — для преподавательской работы), снабженные отзывами ведущих научных сотрудников и профессоров, были поддержаны Президиумом АН СССР. Каким же был итог?

Приказ о демобилизации Г. М. Фридлиндера был подписан в Москве 25 июля 1945 г. (сообщалось в письме О. И. Ильинской к М. А. Лифшицу, 25 августа 1945 г.), но разрешения на проживание в Ленинграде он не получил (была дана лишь командировка на неделю в конце ноября 1945 г., когда мать и сын, наконец, встретились). Г. М. Фридлиндер стал преподавателем пединститута в Ярославле, куда приехал в декабре 1945 г. При оформлении документов Г. М. Фридлиндер получил и новую отметку в графе «национальность». Правомерен вопрос: поскольку его освобождение из «трудовой армии» не было связано с вычерком национальности «немец», была ли эта перемена благотворной в судьбе Г. М. Фридлиндера? Ошибочность его депортации в одном потоке с советским немцами не была признана властями, запретившими ему въезд в Ленинград! К перемене паспортных данных своего друга весьма настороженно относился М. А. Лифшиц, вопрошавший его в письме от 14 августа 1944 г.: «...моральная проблема, Вас тяготящая, совершенно пала в цене <...>. Кто знает, много ли Вы выиграете от исправления ошибки Ваших родителей? Короче говоря, моральная проблема просто

²⁹ Во всем, что предпринималось М. А. Лифшицем в Москве для вызволения Г. М. Фридлиндера, главной фигурой был Владимир Семенович Кеменов (1908–1988), обладавший самым высоким в этом кругу положением (председатель правления ВОКС — Всесоюзного общества культурной связи с границей).

не существует³⁰. Если все это (имеется в виду значение национальности “немец” для послевоенного времени. — С. Б.) отразится на карьере — но нет, не думаю, да и шут с ней. Много ли выиграют другие, скажем, Игорь <Сац>, я или <И. Е.> Верцман? Был бы дух спокоен, да сносная среда, ибо чужая среда, даже не плохая, очень утомляет».

В августе 1946 г., после повторения вызова Президиума АН СССР, Г. М. Фридендер приехал, наконец, в Ленинград и стал работать в должности ассистента в Первом Ленинградском пединституте иностранных языков. Когда началась кампания против космополитизма, ему сразу же припомнили «жешартскую эпопею». 5 апреля 1949 г. он написал М. А. Лифшицу: «...о ней вспомнили и заинтересовались. Заинтересовалась, вероятно, комиссия, приехавшая из Москвы для проверки нашей работы <...>. Комиссия эта рыщет, а придраться ей, по существу, не к чему. И вот они схватились за мою анкету. <...> Пока же меня вежливо попросили представить объяснительную записку с изложением всей старой грязи. Тем временем меня усиленно стенографируют и изучают мою научную продукцию. Забавно при этом то, что на нашей кафедре я, вероятно, единственный человек, к которому действительно не в чем придраться, если подходить к делу сколько-нибудь серьезно. Я окружен людьми, которые систематически несут околесицу и часто вредную — поют хвалы всяким декадентским красотям и черт знает чему. А ругать будут меня». Наконец, 22 декабря 1949 г.: «...есть целый ряд сугубо тревожных симптомов, говорящих за то, что я после окончания семестра, вероятно, буду “отставлен” из своего института. <...> Сейчас нас усиленно проверяет горкомовская комиссия. <...> истории с трудармией придется слишком большое значение, и тут уже ничего нельзя поделывать».

В итоге Г. М. Фридендер был уволен в январе 1950 г., причем без права преподавания где бы то ни было; вновь на работу он поступил в 1955 г. в Институт русской литературы; в промежутке между этими датами занимался, как он писал в своих анкетах, «литературной

³⁰ Письмо написано с оглядкой на военную цензуру, но, по-видимому, под «моральной проблемой», которая «пала в цене» (думаем, под воздействием побед шествовавшей по Европе Красной армии), имелась в виду бескомпромиссность высказываний о немцах как нации в литературе начала войны, в частности, в прозе и стихах И. Г. Эренбурга: «Мы знаем всё. Мы помним всё. Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье. <...> Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! — это просит старуха-мать. Убей немца! — это молит тебя дитя. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!» (очерк «Убей!», опубл. 1942, газ. «Красная звезда»); см. также стихи Эренбурга «Убей!», «Немец», «Проклятие», «Немецкий солдат» и др. в его сборнике «Стихи о войне» 1943 г., стихотворение К. М. Симонова «Если дорог тебе твой дом...» (опубл. 1942, газ. «Красная звезда», под заглавием: «Убей его!»). Многочисленны были плакаты, варьировавшие призыв «Убей немца!». Лифшиц был прав, предвидя изменение в раскрытии этой проблематики в преддверии обустройства новой Европы.

работой» (внештатный редактор и рецензент в издательствах «Художественная литература», «Советская энциклопедия» и др., где в полной мере развернулось его дарование исследователя-энциклопедиста). При поступлении в ИРЛИ Г. М. Фридлиндеру пришлось коснуться в анкете и «жешартской эпопеи»: «Отец мой, как и моя мать, родился в Петербурге, был до революции русским подданным, но происходил из семьи еврейского происхождения, перешедшей в немецкое реформатское вероисповедание. На этом основании он, а вслед за ним и я были записаны органами милиции по паспорту немцами по национальности. В 1945 г., при моей демобилизации, органами милиции было вынесено новое определение о моей национальности, и я был записан по паспорту евреем — по происхождению семьи моего отца. Однако в январе 1953 г. Управление милиции по Ленинградской области постановило вновь обменять мне паспорт и восстановить прежнюю запись о моем немецком происхождении³¹. Такое двукратное изменение графы о национальности в моем паспорте заставило меня обратиться в Главное управление милиции СССР, которое, однако, ответило, что новый паспорт выдан мне правильно (ответ за № 2/26525/2 от 8.07.1953)»³². Можно было бы считать это итогом «жешартской эпопеи», если бы не одно обстоятельство.

³¹ Проблема возникла из-за расхождений в анкетных данных послевоенного периода с более ранними. Г. М. Фридлиндера неоднократно вызывали для объяснений в милицию, после чего было принято решение о возвращении в его паспорт старой записи и указано на неверные действия с документами в Жешарте. Что касается документооборота того времени, то это могло быть и правдой, о чем свидетельствует история единственного друга Г. М. Фридлиндера по жешартскому лагерю, с которым он впоследствии поддерживал переписку. Марк Юлианович Тиссен уехал из Жешарта вскоре после него и в 1946–1955 гг. работал в секретных подразделениях, ковавших ядерный щит СССР, — сначала в Обнинске (Калужская обл.), а затем в пос. Сунгуль (Челябинская обл.). Об этой работе, не называя ее предметно, Тиссен с восхищением писал Фридлиндеру как о воплощении своих научных мечтаний. Впоследствии он работал в Институте биофизики (ныне Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН, Пущино). В архиве Г. М. Фридлиндера сохранилось письмо 1946 г. Анны Ивановны Тиссен (род. 1879), урожд. Зелинской, спрашивавшей у него, куда следует обращаться в связи с переменной национальностью сына. В личном деле М. Ю. Тиссена имелась справка от 8 августа 1949 г., в которой говорилось: после проверки установлено, что М. Ю. Тиссен является по национальности русским (в свидетельстве о рождении его мать и отец — русские) и «на учет спецпоселенцев был взят ошибочно» (*Емельянов Б. М., Гаврильченко В. С.* Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен. Снежинск, 2000. С. 85; свидетельства о рождении А. И. Тиссен и ее мужа, если учесть их возраст, могли означать одно: это были свидетельства о крещении в РПЦ, что, по инструкциям НКВД, было основным при определении национальности и оспаривалось лишь при явно «нерусской» фамилии). Кстати, другой сын А. И. Тиссен, Юлиан Юлианович, попал в армию и погиб на фронте. Таким образом, лагерь для трудмобилизованных немцев спас жизнь старшему сыну А. И. Тиссен, как и сыну А. М. Фридлиндер, упорно сопротивлявшейся решению своего «глупого Юрь» отправиться на фронт в разгар военных действий.

³² СПбФ АРАН. 150.2. № 379. Л. 6 — 6 об. Ср.: *Дьяконова Н. Я.* Мои воспоминания. С. 438.

В том потоке писем к Г. М. Фридлиндеру, который шел в Жешарт в 1942–1945 гг., важное место занимает исходивший от его друзей и близких призыв к терпению. Осенью 1944 г. М. А. Лифшиц писал: «Желающего судьба влечет, нежелающего — тащит. Так говорил, если не вру, Сенека. Сам я философом быть не умею <...>. Но Вам советую выработать в себе сыворотку терпения. <...> Против моральной докуки может помочь только работа мысли, ибо *по существу дела* все в таких же условиях, как Вы, т. е. нет человека, который мог бы заниматься только своим прямым и любимым делом». Все без исключения, кто писал «трудармейцу Фридлиндеру», верили, что его ждут выдающиеся научные успехи: «...как бы ни задержало Вас нынешнее положение вещей, — писал Лифшиц, — Вы не останетесь позади, потому что это просто невозможно». Точнее же всех смысл «жешартский эпопеи» выразил, на наш взгляд, «фаталист» И. М. Дьяконов: «Может быть, когда Вы бедствуете, это судьба Вас хранит» (14 августа 1942 г.); и наконец, как будто из Достоевского: «...твои бедствия предначертаны свыше для сохранения твоей жизни» (26 апреля 1945 г.).

Библиографический список

- Байбурин А. К.* К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: Сб. ст. к 70-летию В. А. Тишкова. М., 2011. С. 533–555.
- Ганелин Р. А.* В штабе Карельского фронта (по воспоминаниям И. М. Дьяконова и Е. Г. Эткинды) // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2012. №5 (126). С. 7–11.
- Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. Р.* История немцев в России: Хрестоматия. М., 2005. 415 с.
- Гончаров Г. А.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: вопросы историографии, теории и практики // Вестник №2 / Челяб. ин-т экономики и права. Челябинск, 2002. С. 67–95.
- Гончаров Г. А.* Рабочие колонны на Урале в годы Великой Отечественной войны: Формирование и размещение // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2006. №9 (59). С. 135–142.
- Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. 766 с.
- Дьяконова Н. Я.* Мои воспоминания // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 434–439.
- Емельянов Б. М., Гаврильченко В. С.* Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен. Снежинск, 2000. 438 с.
- Лотман Л. М.* Г. М. Фридлиндер в моей памяти сквозь долгие годы общения и сотрудничества // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 18. СПб., 2007. С. 440–460.
- Макаров Н. А.* Выдающийся литературовед Г. М. Фридлиндер // Вестник Поморского университета. Гуманит. и соц. науки. 2006. №1 (9). С. 113–115.
- «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы) / Сост., предисл., коммент. Н. Ф. Бугая. 2-е изд. М., 2000. 352 с.

- Морозов Н. А. Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10. Ч. 1. С. 58–69.
- Морозов Н. А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 годы). Сыктывкар, 1998. 156 с.
- Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Сост. М. Б. Смирнов. М., 1998. 600 с.
- «Трудармеец Фридлиндер, Г. М.» (письма из Коми АССР, 1942–1945 гг.) / Вступ. статья С. В. Березкиной; подгот. текста и коммент. С. В. Березкиной и А. С. Лагурева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы. СПб., 2019. С. 443–505.

S. V. Berezkina

“THE DAMNED QUESTION ABOUT THE MISTAKE IN DAD’S PAPERS...” (G. M. FRIDLINDER IN THE CAMP AND ON THE SETTLEMENT, 1942–1945)

The article highlights a difficult stage in the biography of academician G. M. Fridlender during the Great Patriotic war based on his correspondence with his mother, who was in the blockaded Leningrad. During the war, G. M. Fridlender, as a German by nationality, was mobilized to work in a labor camp on the territory of the Komi ASSR. His letters from the camp are a valuable historical document about the life of a working column of German citizens, revealing a number of the most complex problems of the life of the USSR at that time.

Key words: academician G. M. Fridlender’s biography, the fate of citizens of German nationality in the USSR during the Great Patriotic war, the national policy of the USSR of the 1930–1940.

References

- Baiburin A. K. K antropologii dokumenta: pasportnaya “lichnost” v Rossii. In: *Antropologiya sotsialnykh peremen*: Sb. st. k 70-letiyu V. A. Tishkova. Moscow, 2011. P. 533–555. (In Russ.)
- Diakonov I. M. *Kniga vospominanii*. Saint Petersburg, 1995. 766 p. (In Russ.)
- Diakonova N. Ya. Moi vospominaniya. In: *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya*. T. 18. Saint Petersburg, 2007. P. 434–439. (In Russ.)
- Ganelin R. A. V shtabe Karel’skogo fronta (po vospominaniyam I. M. Diakonova i E. G. Etkinda). *Uch. Zap. Petrozavodskogo gos. un-ta*. 2012, no. 5 (126). P. 7–11. (In Russ.)
- German A. A., Illarionova T. S., Pleve I. R. *Istoriya nemtsev v Rossii: Khrestomatiya*. Moscow, 2005. 415 p. (In Russ.)

- Goncharov G.A. “Trudovaya armiya” perioda Velikoi Otechestvennoi voiny: voprosy istoriografii, teorii i praktiki. In: *Vestnik No. 2*, Chelyabinskii in-t ekonomiki i prava. Chelyabinsk, 2002. P. 67–95. (In Russ.)
- Goncharov G.A. Rabochie kolonny na Urale v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: Formirovaniye i razmeshcheniye. *Vestnik Orenburgskogo gos. un-ta*. 2006, no. 9 (59). P. 135–142. (In Russ.)
- Lotman L.M. G.M. Fridlender v moei pamyati skvoz’ dolgiye gody obshcheniya i sotrudnichestva. In: *Dostoevskii: Materialy i issledovaniya*. T. 18. Saint Petersburg, 2007. P. 440–460.
- Makarov N.A. Vydayushchiysya literaturoved G.M. Fridlender. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Gumanit. i sots. nauki*. 2006, no. 1 (9). P. 113–115. (In Russ.)
- “Mobilizovat’ nemtsev v rabochiye kolonny... I. Stalin”: *Sb. dokumentov (1940-e gody)*. Sost., predisl., comment. N.F. Bugaya. 2-e izd. Moscow, 2000. 352 p. (In Russ.)
- Morozov N.A. Mobilizovannyye grupy sovetskikh grazhdan na predpriyatiyakh Komi ASSR v 1942–1946 gg. In: *Pokayaniye: Komi respublikanskii martirolog zhertv massovykh politicheskikh repressii*. Syktyvkar, 2013. V. 10. Ch. 1. P. 58–69. (In Russ.)
- Morozov N.A. *Osobyie lagerya MVD SSSR v Komi ASSR (1948–1954 gody)*. Syktyvkar, 1998. 156 p. (In Russ.)
- Sistema ispravitel’no-trudovykh lagerei v SSSR. 1923–1960*, sost. M.B. Smirnov. Moscow, 1998. 600 p. (In Russ.)
- “Trudarmeets Fridlender G.M.” (pis’ma iz Komi ASSR, 1942–1945 gg.). Vstup. stat’ya S.V. Berezkinoi; podgot. teksta i comment. S.V. Berezkinoi i A.S. Lagureva. In: *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2018–2019 gody*. Saint Petersburg, 2019. P. 443–505. (In Russ.)
- Yemel’yanov B.M., Gavril’chenko V.S. *Laboratoriya “B”*: *Sungul’skii fenomen*. Snezhinsk, 2000. 438 p. (In Russ.)